

Эдуард ХВИЛОВСКИЙ

ТАКЖЕ И ДРУГОЕ

Философское эссе

Нам всё равно, а другим не всё равно, по крайней мере до тех пор, пока мы не сочетаемся с ними каким-либо видом законной или незаконной связи, которая ни им, ни нам не была или даже не начинала быть безразличной на любом отрезке простого или любого другого времени. Ну и что, если *что-то* или даже *всё* не так? Во-первых, вполне может оказаться, что всё *так*, а во-вторых, какая разница, что во-вторых, если в мгновение ока это может оказаться в-третьих или (что хуже) в-четвёртых. Прецеденты уже были как *до* битвы при Фермопилах, так и *после* неё. Права, как и правда, есть практически у всех, а если их нет, то можно над этим подумать и, может быть, даже что-то на какое-то время в конце повествования исправить.

Многое не страшно, пока оно представляется таковым. Хорошо ещё, если оно представляется в малом, а то ведь может случиться без «если» и во многом. В таких делах, упаси бог переборщить или недоборщить. Кто *знает*, как это сделать, может, поднять руку, но только так, чтобы её не очень было видно, потому что в истории уже были случаи, когда руку поднимали и это было видно, — и тем, кто в своё время её поднимал, лучше было бы этого не делать.

Да, были у нас такие-то и такие-то товарищи, в смысле — господа. А если даже и «господа-товарищи», то что в этом страшного? А что вообще страшно, кроме одного? (Или двух?..) Практически всё может оказаться страшным, если подумать... Но кому и когда? Кому подумать, бывает, что и есть, но вот когда — это вопрос, хотя, может быть, это не так, и рука руку всё время моет, и ничего уже не под вопросом, поскольку в своё время всё было решено ещё *до* возникновения всяких вопросов. И здесь ведь дело не в сомнениях, колебаниях или сожалениях с ликованиями, а в чём-то, на первый взгляд, объяснимом или необъяснимом, которое стало другим ещё в самом начале, когда смело можно было спросить: «В начале чего?» Но если бы это и было сделано, то возникли бы и потянулись за уже возникшими вопросами другие вопросы такого же или более сложного уровня, которые возникали позже, потом какое-то время не возникали — и так всё время. Именно в таком ключе и проводятся в течение последних ста или даже более лет все «откровенные» международные переговоры. Как говорят в народе, постановка иных вопросов сложного уровня представляется наиболее радикальной и наиболее последовательной попыткой (*которую лучше часто не предпринимать*) определить основания алчущего познания, полностью полагаясь на опыт и только на него и проясняя его смысл посредством усмотрения многоликих и часто ускользающих от неподготовленного сознания сущностей. Во всём этом десятки лет запутывались так, что до сих пор выпутаться не могут... (*Есть* один человек, который знает, как нужно действовать в любой ситуации, но его имя огласке не подлежит). Библейские же каноны о Законе и Благодати во время вышеупомянутых переговоров игнорируются, равно как и положение о том, что «ум каждого человека непреодолимо обособлен, и никакое другое сознание, кроме собственного, нам вообще недоступно». Буде они оглашены перед любыми переговорами, то не было бы никаких переговоров! А этого допустить никак нельзя со всех точек зрения, кроме самой главной, которую ни до, ни во время, ни после переговоров озвучивать тоже нельзя, ибо это запрещают негласные законы, в соответствии с которыми в какой-то момент люди обязательно начинают резать и убивать друг друга всеми известными и неизвестными миру способами.

Дай бог нам ещё в этом столетии спокойно отпраздновать гипотетически предполагающиеся пятнадцать миллиардов лет со дня основания скорости света!

В этом месте вольно или невольно возникает вопрос о точной формулировке понятия времени как такового, однако, следуя известному логическому принципу,

лучше отнести это в конец повествования и заняться этим там, если вообще придётся на исходе времён чем-либо заниматься. Списки однажды уже занимавшихся существуют в особых архивах, но их столько, что разобраться в них дано немногим, чьи имена теоретически озвучены как бы для всех, но на самом деле не для всех. И кто может без сомнений и колебаний определить, что значит «на самом деле»?

А ещё вырисовываются высшие эшелоны, непризнанные республики, разгул невмешательства, избыточная осознанность, цепочки причин и следствий, дилеммы бодрствования и существования, первоначальные смыслы форм, понятийные схемы, всеобщая занятость, права интеллектуальных меньшинств и меньшинств с ограниченными способностями, маленькие и большие хитрости, тайны всемирного тяготения, глобального потепления, взаимного уважения, закрытые смыслы, дифференцированная инклюзивность, переосмысления напряжений, линейки взаимообразий, международные воды, сдвоенные бухгалтерии, контрольные выстрелы в голову, порядочность и честность на территориях истинной веры с углублённым изучением систем учёта и контроля, смысл и назначение демократии, профсоюзы свободных толкователей истин, секретная круглосуточная прослушка всеми заинтересованными сторонами телекоммуникационных линий всех других заинтересованных сторон... Нет, всё перечислять не имеет смысла, даже если и перечислим, потому что на это не хватит никаких известных чисел хорошо знакомой нам десятичной системы. Да и чисел в других системах тоже не хватит. Вообще-то учёные вроде бы сейчас этим занимаются, но мы не будем.

Можно предвидеть возражения, упрёки, соболезнования по поводу, но зачем, если в кои-то веки выдалась в высшей степени ограниченная свобода, которая может закончиться через секунду или уже закончилась.

Многие спрашивали и продолжают спрашивать, что такое ограниченная свобода, ничем не ограниченная свобода и вообще свобода как таковая. Как говорил самый первый в мире персонаж — «пусть спрашивают». Если судить по записям в сохранившихся церковных книгах, то упомянутый персонаж, скорее всего, существовал, но кто его знал в прямом, а не в легендарном смысле? То есть какой-то другой легендарный персонаж, конечно же, знал. А если даже и не знал, то третьему или второму персонажу до этого не было (*и, тем более, сейчас нет!*) никакого законного дела, потому что, по рассказам очевидцев, именно с него, то есть примерно с третьего персонажа, началось время, о котором, может быть, и пойдёт речь в упомянутом конце, но только при условии, если мы, — уже более не существуя, — узнаём, что такое конец и сможем это объяснить хотя бы на пальцах.

Безусловно, можно, сказать: «Нет — и всё!» Но можно это и не говорить. Тем более что по словам других очевидцев, самый первый персонаж через много лет после своего появления публично сказал о другом персонаже, которого он якобы хорошо знал и любил, что тот на самом деле всегда был канальей и дерьмо. Годы огромного личного опыта давали ему такое право, тем более что ещё очень задолго до всем известного переворота одним очень умным иностранцем было сказано: «Чтобы поступать справедливо, нужно знать очень немного, но чтобы с полным основанием творить несправедливость, нужно основательно изучить право».

Взять, к примеру, обычные в эпоху до появления стиральных машин правовые разборки на тему о том, кто из соседей срезал во дворе бельевую верёвку без белья на ней. С верёвкой, удерживавшей *мокрое* бельё, такое тоже бывало, но сейчас речь идёт о верёвке без белья. Хотя многие добрые соседи в тот момент были во дворе, никто из них не только не видел (*или утверждал, что не видел*), как срезавший это сделал, но даже не понимал, как тот до этого дошёл и чем именно срезал. Случай простейший и взят просто для примера, а не для того, чтобы оскорбить одного из ветеранов двора. Что же тогда толковать о вообще неизвестной нам в количественном смысле концентрации Союзных войск на Южном театре военных действий, о планах по подготовке молниеносного наступления с флангов, о градусе ненависти всех ко всем, о «бомбардировках силами коалиции» и обо всём холоде своего сочувствия ситуации?

При этом все «взявшие на себя ответственность» за совершение неудобного дела в своё время тоже были розовыми и замечательными... Они и сейчас местами такие, но после боёв и раздачи наград всегда меняются не только их основной цвет, но и все сопутствующие ему цвета. «Стекланный зверинец» — некоторым образом...

Ответы на все важные вопросы с незапамятных времён записаны в книгах, которые стоят на полках недалеко от той самой большой церковной книги, в которой был зарегистрирован самый первый персонаж. Здесь всё двояковыпукло и двояковогнуто одновременно. Конечно же, такого не может быть, потому что так не бывает! Но именно поэтому оно двояковыпукло и двояковогнуто одновременно! И это вовсе не

то, что скрывает собой истину, — это истина, скрывающая, что её нет.

А вот и голос: «Да не водите вы меня за нос! Я взрослый человек! В конце концов, у меня двое детей, и я имею законное право иметь своё мнение, отличное от вашего!» Совершенно верно! В этом-то и вся суть повествования! И если кто-то, что-то или кого-то водит за нос, то в большинстве случаев только самого себя. И в этом праве ему никто отказать не может, тем более что, по слухам, он этого никогда не собирался делать и не делает, как и, — по мнению окружающих, — вообще ничего не делает, кроме того, что просто нравится кому-то или не нравится, что само по себе никаким вождением за нос не является.

Плюс культура как таковая. Трансцендентальное совершенство вещей по отношению к их собственной сущности. Питательная среда для тщеславия. Удовольствия, обладающие всеобщей сообщаемостью. Бессмертные души. Положение о моральном назначении нашей природы. Дисциплина склонностей. Материальное и формальное в справедливости. Мультикультурные протесты. Глубокая двойственность и тройственность. Большое внелогическое. Якобы планомерное и целенаправленное неизвестно что. Так называемые «информационные вбросы», влияющие на результаты выборов, на изменение количества нетрадиционно ориентированных избирателей, на время подъёта ракет к вражеским заморским базам, на несбалансированное количество необоснованных претензий, на наукообразное обоснование ненужного бывшего и нужного не бывшего, и на многие другие, всё ещё засекреченные, факторы. Плюс заботы о самовоспроизводстве, о семье, да и само восприятие жизни, нетерпимой ко злу и постоянно его избрегающей, чистой, порочной, требующей разоблачения, восхваления, осуждения и ещё много чего.

Тайные «скелеты» находятся во всех шкафах, хранилищах, сейфах, под кроватями и за печками. Имеются в наличии и безличные энергетические центры. Невидимые генераторы просветлений. Внезапное опустошение ума. Нежный живот в белом батисте. Пламя, мгновенно перебегающее от запястий к коленкам и далее везде. Влажное проникновение одного внутрь другого. Процесс, который важнее результата. Смысл мира, пробивающийся изнутри пульсирующими волнами. Всесокрушающая страсть, пробивающая для достижения главной цели любую лобковую броню, прибегая к силам куда более созидательно-разрушительным, чем любой целенаправленный взрыв бункерной бомбы. Тенденции, чреватые выходами за пределы. Переходы на сторону противника. Несостоятельные попытки формализовать динамические процессы, которые мы ощущаем с помощью прогрессий и правил. Выступления первых лиц с заявлениями, разоблачающими заявления других первых лиц. Новые коалиции против более новых коалиций. Неконтролируемая миграция различных первобытнообщинных народов. Общественные течения. Культура городских низов. Новые заявления верхов. Физиологические возможности, невозможности и отправления. Галлюцинации. Разные по форме и назначению амулеты, обереги и народные приметы. Бесконечные плановые и внеплановые войны по поводу толкований причин возникновения одних и тех же психиатрических расстройств. Нереализованные наваждения. Настойки на целебных травах. (Иногда — просто кураре). Разноплановая эйфория. Постоянное ощущение текущей мало организованной или неорганизованной личной жизни. Какой-то внутренний трагизм — прямой ли, косвенный ли, — и дебаты, дебаты, дебаты...

О так называемой смеховой стихии можно и не упоминать. Процесс сгущения незаменим при образовании содержания. О тайном догадывайся по явному. У одного размера может быть несколько связанных с ним семантических ожиданий. Отсюда — длина без ширины, пространство без времени, книги без бумажных страниц, двери без ручек, сигареты без табака, отношения без чувств. Усвоение допонимания чреватого. Куда ни бросишь взгляд — везде недоразумение. Взяться за задачу можно в любой момент. Результат не заставит себя ждать. Да вы и не сможете отговорить его от этого.

Дело не в том, чтобы пытаться выбрать в качестве привлекательной одну из сторон, а в том, чтобы как минимум установить, в каких формах обнаруживается внутренне противоречивое единство полюсов. Тем более что, скорее всего, всё окажется не так и установить ничего не удастся.

«Бред вдвоём», втроём, вчетвером, впятером, вдесятером. Бред деревенский, поселковый, районный, городской, областной, краевой, столичный, всенародный, пограничный, демократический, хмельной, периодический, кататонический, иностранный, инкарнационный, половой, видовой и, наконец, бред апокалиптический.

— «Вы что, только один такой умный?»

— «Нет, нас несколько. Только, ради бога, не обижайтесь! Вас тоже несколько!»

В это время из-за угла вылетел автомобиль, не вписался в крутой поворот, протаранил стоявший на стоянке другой автомобиль совсем другого цвета, быстро

сдал назад и на полном ходу исчез в поворотах поглотивших его улиц. Толпа не успела обратить внимание ни на номер машины, ни на модель, ни на её цвет. Всё *было*, и всё в одно мгновение навсегда исчезло. Правовым и прочим органам даже не пришлось ничего расследовать, выдвигая для прессы всевозможные версии числом не менее четырёх.

С божьей помощью все в опасности, и практически нет ничего радикально упорядоченного. Как говорят в народе, напряжение между универсальным аппаратом существования и действительным миром человека не может быть снято.

Ещё в древней Греции, в древнем Риме и во времена эпохи Возрождения практически всё, что волнует «современного человека», уже было сказано и находится в открытом доступе.

Тот же голос: «Ну и что с того! Приплетите сюда ещё Египет и Вавилон с Ассирией! Мы же «новое поколение»! У нас взрослые дети! Мы люди «новой эпохи». Ну и что, если мы путаем альтруизм с альпинизмом, Бабеля с Бебелем, Ренана с Ренаром и Палестину с Палестриной! Зато мы смотрим в будущее и не допустим! У нас давно уже на неопишемом подъёме свои дайверы и риферы, гаджеты и байкеры, страйкеры и ритейлеры, автосортинги и роуминги, пирсинги и лизинги, франшизы и релизы, оффшоры и дедлайны, шорт-листы и лонг-листы, кэшбэк и хай-тек, биеннале на триеннале, сомелье на фрилансе, нетворкинги и каршеринги, волатильность и сексапильность, изнаночные гламуры и промоутеры, провайдеры и респондеры, подкастеры и клубхаусеры, трансгендеры и содомиты, вайберы и вотсапы, педофилы-аниматоры и инаугурации продвинутых индивидуумов! Мы уже давно по-новому размышляем о том, как мир понимается нами в явлении по существу! В явлении и по существу! Масштаб ощущаете?! То-то же!»

В этот момент Верховный Реалист с очевидным пристрастием к сгущённой образности скомандовал себе: «Правая рука, вперёд! — и сразу же после этого громко спросил себя: — А что такое вообще этот дух?... — и ответил себе: — А чем же ещё ему быть! — и только после этого заключил про себя: — А если так, то в настоящее время он нам вообще не нужен». Так это или не так, но домовые, чудовища, чародеи, русалки, шаманы, гадалки, инопланетяне, говорящие крокодилы и летающие тарелки крепко занимают умы значительной части населения, отчего в объяснениях в наше время уже нуждаются не чудеса, а их отсутствие.

Принято быть «тем-то», носить «то-то», подражать «тому-то». Оказавшийся же между полюсами демонстрационной машины среднестатистический индивидуум дёргается, но понимать своего оппонента не в состоянии. Найти в происходящем опору так же невозможно, как вбить гвоздь в фонтан. Талантливым хакерам, временным поверенным, пресс-атташе, советникам-посланникам, лицензированным процессистам и программистам, выдающимся организаторам производств и иным специалистам высочайшего класса, сумевшим это сделать, светит совершенно другой уровень жизни. А остальным придётся вручную и бесконечно долго распахивать ниву вечных поисков истины с её отсутствующим независимым и устойчивым содержанием.

Здесь, помимо волнительной проблемы трансгендерной самоидентификации, нередко ещё присутствует и так называемый «индекс готовности к будущему».

Акомпанирующим фоном проходят корпоративы, тусовки, ярмарки, соревнования, регаты, конкурсы и награждения победителей.

Процветают движения и партии: зелёные, красные, голубые, оранжевые, цвета морской волны, мокрого асфальта, гнилой вишни, либералы обыкновенные, гладкоствольные либералы со смещённым центром, авангардисты, эксцентристы, прогрессисты, анархисты, монархисты, неизменно справедливые, подлинно верные, синдикалисты, открытые радикалы, закрытые радикалы, либералисты-роялисты, правые и левые неконформисты, идеалисты-прокламаторы, разноцветные независимые и просто «партии нового типа». Триумф поверхностной формы и энтропии над всеми возможными тропами. Наименьший общий знаменатель всех значений. Нулевая степень смысла. Низшая форма энергии знака. И всеми провозглашаются так называемые «программы переустройства».

Внелогическое связано прежде всего с этнографическим. Со всех сторон постоянно слышны заявления о миролюбии и принципах мирного сосуществования, не совместимых, по выражению врачей, с жизнью. Но, как говорят знающие люди на окраинах Тибета, «одно другому не мешает — были бы в достатке тёплые тибетейки». Им вторят «Немного солнца в холодной воде», «Немного радости в море печали», «Немного отставшего в многобыстром», «Немного жидкого в твёрдом», «Немного круглого в квадратном» — и так далее — до профсоюза ядовитых змей.

В сознании некоторых лиц — прошедшее, настоящее и будущее «одновременны». В сознании других — мир вышел готовым из рук изготовителя без каких-либо предварительных условий.

В сознании третьих — всё станет на свои места только на том свете, что окончательно тогда же и прояснится.

Таким образом, необратимость времени вовсе не является таковой, если выйти за пределы ограниченных взглядов и смотреть на него с обеих сторон, поэтому в самом конце повествования размещено официальное уведомление об определении и, может быть, даже окончательном принятии всеобщего понятия Времени как такового.

По показаниям одних свидетелей, оно есть невидимая субстанция, охватывающая всё другое из увиденного и не увиденного, запечатлённого и не запечатлённого, сказанного и не сказанного.

По показаниям других свидетелей, оно есть то, что невозможно ни осязать, ни не осязать ни при каких обстоятельствах.

По показаниям третьих свидетелей, оно есть Большое Высшее Проявление Невидимого, Неслышимого и Неопределённого Благого, которое поработает человека, отчего вся его жизнь развертывается *sub specie temporis*.

По показаниям четвёртых свидетелей, оно есть формальное условие существования всех явлений.

Как хорошо известно из показаний пятой группы свидетелей, более четырёх дающих показания групп не бывает, поэтому сейчас вопрос стоит только о ситуации.

Совершенно очевидно, что в настоящее время *Musica humana* не находится в полном согласии с *Musica mundana*, а все приведенные определения предьявляют не только некоторые разнообразия суждений, но и чётко выраженные соотношения с понятиями в логических терминах. Теоретически истина всеобщего разумного понимания одна, но истина, которой является сам человек, отделяет его от всех других истин. «Выхода отсюда — нет. Есть только переходы».

Так на чём же мы с грехом пополам в итоге сошлись? — (*что вряд ли!*) — а на том, что снова изменился регулятивный принцип эпохи и, разглядывая его в прицелы ночного и дневного видения всех Сухопутных, Военно-Воздушных, Военно-Морских Сил и Сил Быстрого Реагирования, мы можем только снова и снова повторять вещи слова из Писания: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам днесь; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь».